

**Славянская
Мистика**

Диана Чайковская

ТЕРНОВИЙ ПҮТЬ

Москва
Издательство АСТ
АСТРЕЛЬ СПб

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6
Ч-15

Разработка серийного оформления *Екатерины Дубровской*
Иллюстрация на обложке *Юлии Мироновой*

Чайковская, Диана.
Ч-15 Терновый путь : [роман] / Диана Чайковская. — Москва :
Издательство АСТ : Астрель-СПб, 2026. — 288 с. —
(Славянская мистика).

ISBN 978-5-17-182959-9

В краю чащ, золотых полей, рек, в краю, пропитанном духом казачества и воли, стоит деревня Терновка, а в ней живёт знахарка Акулина, что отваживает мавок по весне, помогает упокоиться утопцам, спасает детей от повитури, укладывает в могилы упырей и гонит людское горе за околицу.

Только порой в Терновке добро злом оборачивается, а люди, хворые и хмурые, сами рады нечистой силе, ведь та иногда несёт благо и избавляет от мук.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-182959-9

© Диана Чайковская, текст, 2026
© Юлия Миронова, илл. на обл., 2026
© ООО «Издательство АСТ», 2026

— Расскажи ещё одну сказку!

— И какую же?

— Не о зле и добре — о людях, и наивных,
и не очень, с выбором и без выбора, о сердцах и нитях,
из которых ткутся их души.

— Ох, такая сказка ляжет тебе на плечи тяжестью,
глянет в лицо очами тёмными — вмиг забудешь,
как звали! Ну да ладно, слушай...

Часть I

Мавка

ПРОЛОГ

В краю, где чаща соприкасалась с золотыми полями, где широкими синими лентами стелились реки, где витал ещё дух казачества, а вольные крестьяне перемешивались с однодворцами, смотрели в чёрное, почти беззвёздное небо хаты Терновки — мелкой деревни, что затаилась в глубинке. Не касались её ни потрясения, ни загребушие лапы жандармов, ни царские указы. Тропка, что вела к ней, — и та порой терялась и кружила случайных путников вдоль полей и перелеска, а порой и вовсе заводила к ельнику, где водились оплети, жаждающие человеческих объятий и тёплой человеческой плоти.

Темень разлилась по Терновке такая, что за порог было страшно выйти, даром что расцветало лето, а вместе с ним — первые посевы. Разогнув усталые спины, крестьяне расселись по домам, закрыли ставни и, перекрестившись, легли спать с надеждой, что нечисть обойдёт плетни стороной, не тронет ни мужиков, ни детишек, ни баб, ни — чтоб им славно жилось! — куркулей, жадных до звона монет.

Спала и семья Ковалей в своей мазанке, устав от праведных трудов. Ещё бы: солнце жарило с утра до вечера, а в кузне и без того жаром палило так, что на покрасневшей коже проступали порой волдыри. Похрапывал на полатях Гриц Коваль с женой Дарьей, сопели за занавеской недавние молодожёны — вернее, Богдан-то видел десятый сон, а Оксана, что ещё месяц назад была невестой и ходила

между живыми и мёртвыми три дня, едва слышно привстала, сняла с шеи крестик, оставила его в постели и прокралась к порогу. Затем, встав спиной ко двору, лицом — к двери, заговорила:

— Встану, не помолясь, пойду, не перекрестясь, из хаты во двор, с двору — в поле, а на поле ветер гуляетъ, а на поле трава поётъ, а на поле дуб стоять, а под дубом камень лежить, а в камне том сыла тёмна, сыла тайна. Бери меня, та сыла, бери да неси за двор и поле, за реку да в чащу.

А затем сняла рубаху и побежала — за плетень, за поле, туда, где высились тёмно-зелёные кроны, где ухали совы, неся на своих крыльях беду и непокой, туда, где цвела лесная опушка, а вокруг неё прогуливались дочери да сыновья Лесовика.

1.

Когда пришло время весне встретиться с летом, закончилась первая посевная. Приняла мать черна земля просо, овёс и лён, обещая дать щедрый урожай, а пока вылезали из подземья сорняки, расползались и плодились не по дням, а по часам, вынуждая простой люд гнуть спины с раннего утра и до тех пор, пока солнце не закатится за тёмные лесные кроны, стоящие вдалеке. Всякий знал: с покровом мглы вылезают лесные стражи, просыпаются полевики и кружат, бродят, гуляют да потешаются над всяким, кто посмеет вылезти за порог или отозваться на стук в окошко.

Но то не горе, а так, капля, нужная и деревне, и чащам, и рекам. Что от нечистой силы, что от сорняков была польза, особенно знахарке Акулине. Заговорив поле, она высвободила брюхо матери чёрной земли от ненужных ей трав и набрала целый подол пырея, лебеды, будяка, лопуха, кульбаб да поранника. Смотрела на ещё не пробившийся кусти́к крапивы, долго, с прищуром, а потом поняла — никуда не денется, как начнёт расти, появится побольше листьев, и тогда можно будет сорвать, а лучше — выкопать и посадить возле окна.

Жизнь Акулины была не тяжёлой, но и не святочной — простецкой. В хате всегда находилась краюха хлеба, размоченная в молоке, или мука с мёдом да борщ с мясной костью. Добрые люди приносили, благодарили за труды и за спиной показывали дулю или шептали заговор, думая, что она не слышит, даром что Акулина — не ведьма, не вештица и уж тем более не волколак, хотя бабка Килина, давшая

ей кров и имя, до безумия того желала, кричала: «Забери! Положь на грудь руку, прими дар!» — да так и померла десяток вёсен назад, когда мужики разобрали крышу. Не приняла Акулина подарочка — зато хорошо знала, что полынь защищает от мавок и полёвок, а кульбаба вычищает и нутро, и душу, позволяя всякой гадости уйти в землю да там и остаться.

Крестьяне, встречая Акулину, то крестились, то молча проходили. Впрочем, некоторые здоровались, а детишки...

— Сходить в церковку, баб Кылыно! — кричали мальчишки.

Матери тут же шикали на них и уводили подальше — от порчи, сглазов и прочих проклятий, которыми могла одарить всякая ведьма. Ну и пусть! Оно ведь проще, когда бояться, не лезут, а любой мужик платит щедро, хоть те же куркули, жадные до добра и вынуждавшие простых батраков работать вдвое, а то и втрое больше. На куркулей Акулина тоже смотрела настороженно, пытаясь понять: какой ещё беды дожидаться от них? Нагребли чужой земли, разжились своим полем — а дальше чего? Не захотят ли всех вольных поработить и принудить к большему труду?

С этими мыслями она брела к своей хате. У плетня её уже дожидался Богдан Коваль — высокий, добрый парубок, что трудился в кузне отца и раскалял железо, пока пламенные духи давали побольше жару, а по вечерам остужали стены и следили за тяжёлыми молотами.

— Здравствуй, баб Кылыно! — Богдан низко поклонился ей.

— Здравствуй, — неохотно отозвалась Акулина, а затем пропустила нежданного гостя за плетень, за порог, так, как должно.

Потоптавшись, он сел на лавку, пожевал губы — видеть, не знал, с чего начать. Неужто Ксанка прихворала или с Дарьей что случилось? Только ведь свадьбу отгуляли, с церквушки проводили и выдохнули с облегчением, мол, жива-здорова невеста, миновало её лихо. А оно вон, затаилось, значит, да напало, когда никто не ждал.

— Што с ней, с Ксанкой-то? — Акулина села рядом, посмотрела, как вытягивается лицо Богдана. Тот, видеть, не ожидал такой прозорливости. Сейчас будет что-то про ведьмовство сказывать.

— Как в воду глядишь! — изумился он. — Пропала моя Ксанка! Просыпаюсь спозаранку — а нету! Ни в поле, ни в огороде — нигде! Только ночью вернулась да не жива. — Богдан выпучил карие очи, и в них заиграл такой страх, что сердце Акулины поневоле ёкнуло. — Выла страшно! Я глядь в окно — а там вона, бледнющая, а со спины, — он прикрыл рот рукой, — всё видно, что там, за хребтом, в животе! Глаза пылают — страх! И воет, воет, да и в голове!

Богдан схватился руками за голову и скукожился, превратившись в чёрно-белый ком. Поверх истрёпанной свитки болтался крестик — и то хорошо. Значит, не уведёт его мавка, если не пойдёт по собственной воле. Вот только чего саму Ксанку-то в лес потянуло? Кто её надоумил? Она ведь при хате, при муже, да и Дарья-то не худшая свекруха, без дела кричать не станет, бить — тоже.

— Дождыся Купалы, — спокойно сказала Акулина, а затем метнулась к печи, ища полынь да верёвку потоньше: нужно оберег дать, а то ведь рано или поздно уведёт.

— Мне батька другую сватаетъ, Катерину Радько, — покачал головой Богдан. — Негоже мужику без бабы по весне-лету ходить. Так она, Ксанка-то, и к ней, к Катерине, стала ходить!

Акулина нахмурилась. К чему такая спешка? Погоревал бы по-людски — а там к осени бы свадебку сыграли. Неужто грошей у Ковалей стало мало? А может, с житом не справляются — решили взять ещё одну невестку как раз к началу сенокоса? Это больше походило на правду.

— А как мне быть, когда она ходыть, стучаетъ то мне, то Радькам: «Тук-тук, тук-тук!», а потом: «Агу-у! Агу-у!» — скрипучий голос пронёсся по хате.

Вот ведь беда, а! Придётся с мавкой разбираться: то ли задабривать, то ли изгонять, а как — неведомо. Она ж не уйдёт, пока своё не возьмёт или не спляшет с живыми девками при купальских кострах. Задумавшись, Акулина всучила Богдану подвешенную на верёвке полынь и наказала:

— Носы у креста. А про мавку подумаю.

Разгоралось за окном рассветное солнышко. Вышел Богдан за порог, поклонился, пообещал принести крынку молока да «чего побольше», если Акулина справится с мавкой — да и был таков. Принесёт ли — неважно, до того ей дела не было: слишком коротка людская память, а благодарность — ещё короче, а вот спасать и его, и Катерину всё одно придётся. Тем более... Где это видано, чтобы мавка ходила к новой невесте? Ладно муж, родная кровь всё же, а она — к чему? Неужто Катеринка поворожила и сама Ксанку сгубила? Ох, нечистое дело!

Акулина сложила травы, новые — к старым, перебрала их ещё раз, оставила домовому немного вчерашней похлёбки

под печью и принялась думу думать. Чем больше думала, тем сильнее понимала: надо идти в гости к Радькам, побалагурить с Катериной. Может, она чего знает, а если знает, то ей, Акулине, врать не станет.

По небу расплескался калинов сок, потихоньку исчезающий и превращаясь в белое молоко. Оно обрастало овечьей шерстью, становилось тягучими облаками, обещая то ли дождь, то ли скорую прохладу. Радьки наверняка работали в поле, как все добрые крестьяне, значит, придётся выждать вечера.

А пока — к соседям, что жаловались на хворую корову. Проверить, не сидит ли в ней кто, заглянуть в глаза и уши, посмотреть брюхо, как обещалась. Отбросив мысли про Ковалей и их беду, Акулина принялась переплетать травы, которые могли бы ей понадобиться, и складывать их в тёмный мешочек, доставшийся ещё от старухи Килины.